

ВОЗВРАЩЕНИЕ К БРЕЙГЕЛЮ

Н.Н. Александров

Так хорошо: и весело, и строго.

Здесь просто жизнь. И труд без суеты.

Земная жизнь. И место есть для Бога.

В каком же доме был ребенком ты?

О месте Питера Брейгеля Старшего в истории менталитета

Когда меня спрашивают, зачем тебе этот Брейгель, почему он так важен и т.п., я отвечаю: он жил в центре истории, в ее середине, и выразил ее.

А почему *это* так важно? Потому, что всякая вещь или явление полноценно выражает себя именно в середине процесса своего бытия. Если брать человечество в целом и рассматривать его историю, серединой и будет момент, когда жили Босх, Брейгель и Бах. Уже нет угнетающе полного растворения человека в МЫ, свойственного классическому средневековью, но еще нет сегодняшнего безобразного выпячивания Я вплоть до полного игнорирования МЫ. Есть равновесие, которым и пронизана эта картина.

Самое важное в смысловом плане, что перед нами середина истории человечества. Если мы посмотрим отсюда назад, в прошлое, то там такой идиллии, пожалуй, не увидим. Относительный мир бывал, но все чаще войны да набеги. Относительная свобода тоже бывала, но все больше рабство и прочее в том же духе. А такая общинная свобода – она очень даже временная. Но ее и Толстой еще наблюдал в натуре у нас. Триста лет, не так уж мало.

Еще раз: соотношение *свободы человека и свободы общины* (группы) здесь относительно равновесное. Но это как раз тот момент истории, когда просыпается свобода Я в Европе. Преддверие Нового времени.

Посмотрим вперед в историю – скоро возникнет индустриальная цивилизация и явится эта постоянно ускоряющаяся гонка «отдельного

человека». Она-то и отрывает человека от Природы и общины. И хрупкая гармония, равновесие, бывшие в истории только раз, разрушится навсегда.

Я как-то писал об этом: именно в позднем средневековье происходит действие большинства волшебных сказок. Может потому мы так и относимся к позднему средневековью, с некоторой долей привитой нам детской любви и веры в эту сказку. И нас на самом деле совершенно не интересует, как оно было «на самом деле».

Брейгель хитрец: он вроде как «фотографирует» этот мир, но во многом создает его из множества наблюдений, поднимаясь до настоящих обобщений. Создает как свой миф. Свою сказку, очень похожую на реальность.

Что интересно, он много чего написал – и здорово, по мере своего времени. Но в рамку гениальности, уже по гамбургскому счету, попала именно эта картина. Очень много людей, которые ее любят. И некоторые даже пытаются объяснить, почему. Попробуем и мы, еще и еще.

Мир картины для нас гармоничен, и это не вопрос вкуса, а вопрос мироощущения, которое излучает художник и содержит его эпоха.

Этот нехитрый тезис на самом деле хитрый. Можно брать многие противоположности и находить как они взаимоуравновешиваются в этой картине. Причем, я имею в виду как содержательные, так и формальные пары.

С точки зрения современного молодого, энергичного и рвущегося вперед человека все это старье, почти серая фотография прошлого – и не более. Такая установка индивидуализма понятна, поскольку ему должна соответствовать яркость, скорость, мелькание, рывок, обгон и т.д. А здесь тихая и слегка «серая» жизнь, настолько неторопливая, насколько это бывает в детстве. И такая же важная, как все события любого дня детства – очень длинного.

А самое главное отличие – в картину заложены совершенно иные значения, порождающие у нас при прочтении свои личностные смыслы. Что

характерно, значения и смыслы настроены на уравнивание, некую забытую норму. Все в этом засыпанном снегом мире настроено на ритмы природы и на гармонию с ней, согласование, сопряжение.

Вот и вся разница с миром сегодняшним. И в каком мире жить приятнее? Ответ очевиден. Вот почему многие современные игры и целые виртуальные миры типа “Властелина колец” Толкиена просто черпают материал оттуда, из этого времени истории, слегка переиначивая и комбинируя его элементы – чисто в постмодернистическом ключе. Но в итоге часть современной молодежи все так же бегают в капюшонах с луками по лесу. Как и тогда.

Рис. 1. Субкультуры: молодежная мода и мир Толкиена.

Средневековые мотивы стилизации.

ПОНИМАНИЕ КАК ПАКЕТ СЛАЙДОВ

С моей точки зрения, *понимание* представляет из себя как бы одновременный взгляд сквозь прозрачный «пакет слайдов», где каждый слайд – это отдельная грань смысла, аспект. И богатство понимания определяется количеством этих самых «слайдов» в арсенале смотрящего и понимающего.

Рассмотрим строение этого художественного произведения как систему из ряда таких «слайдов».

Отсутствие Я, герой-группа

Что важно – это именно система небольшого поселения как целого, как организма и в ней много живых элементов – людей, животных, птиц. Но в картине нет обособленных единиц, как в итальянском Возрождении. Это простой мир крестьянской общины, без аристократов и интеллигенции. Некого особо выделять и детализировать. Позднее средневековье.

Хотя в других картинах того же времени простая жизнь такого рода чаще служит обрамлением, фоном. У Яна ван Эйка карлики, корабли, дороги, город, бухта – все это не более чем фон для канонической священной сцены (мадонна с младенцем) и главное – портрета заказчика – канцлера.

Рис. 2. Ян ван Эйк. Мадонна канцлера Роллена.

А Брейгель – он недаром “мужицкий”. Он любит свою общинность, хотя все больше посмеивается над ней и ее приколами. И если вводит в картины некие аллегорические и мифологические персонажи, то они в них никак не главные. Главное у него – это вот это биение жизни, суeta массы людей. Коллективное Целое.

Иерархическая ось

Иерархия как ось – это вертикальная *вложенность*, тройная (как минимум) *иерархия миров*. Вот ее системная интерпретация:

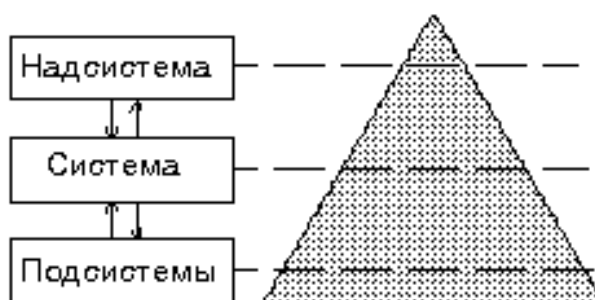

Рис. 3. Трехуровневая иерархия.

Уровней мы можем избрать не только три, но и пять, или сколь угодно много. Однако ориентироваться в пяти-семи мирах сразу непривычно, хотя готические романы содержали и такие, “вложенные”, построения. И весьма сложные, иногда до того запутанные, что дочитать роман до конца уже считалось подвигом.

На этой вертикальной оси возникает понятие *о доминирующем масштабе: макромир, мир, микромир*. В этом построении художником выделяется иерархическая доминанта, и мы поговорим еще о ней. Это очень важное понятие, относящееся к образу.

Обратимся к анализируемой здесь картине Брейгеля «Зима. Охотники на снугу». Это не просто мир, включенный в более широкие (надсистемные) миры, в каком мы сейчас живем. Это мир в хрустальном рождественском шаре, сотворенный Богом и защищенный Богом. Вот почему он такой уютный – в нем есть любящий родитель, в нем есть защита, и в нем есть незыблемая *граница*. Она пугающая, эта граница – по средневековым представлениям и европейцев и китайцев там, на границе, живут «люди с песьими головами» и прочие чудища. Но вряд ли средневековые люди, которые много путешествовали, были такими уж идиотами – эти выдумки есть не более чем инстинктивная защита «своего» мира от «чужого»: это из серии «не ходите дети в Африку гулять».

Рис. 4. Пограничные чудища средневекового мира.

Чтобы понять средневековую ментальную модель мира подробнее, посмотрите соответствующие главы в моей книге, недавно опубликованной на сайте Академии Тринитаризма: Н.Н. Александров, Генезис ментального хронотопа. Книга 1. Генезис представлений о времени // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16795, 29.08.2011. Книга 2. Генезис представлений о пространстве // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16806, 01.09.2011.

Вот как выглядит картина мира на одной из работ Босха, которого Питер Брейгель Мужичкий знал и любил. Это хрустальная сфера, за которой наблюдает сверху Бог.

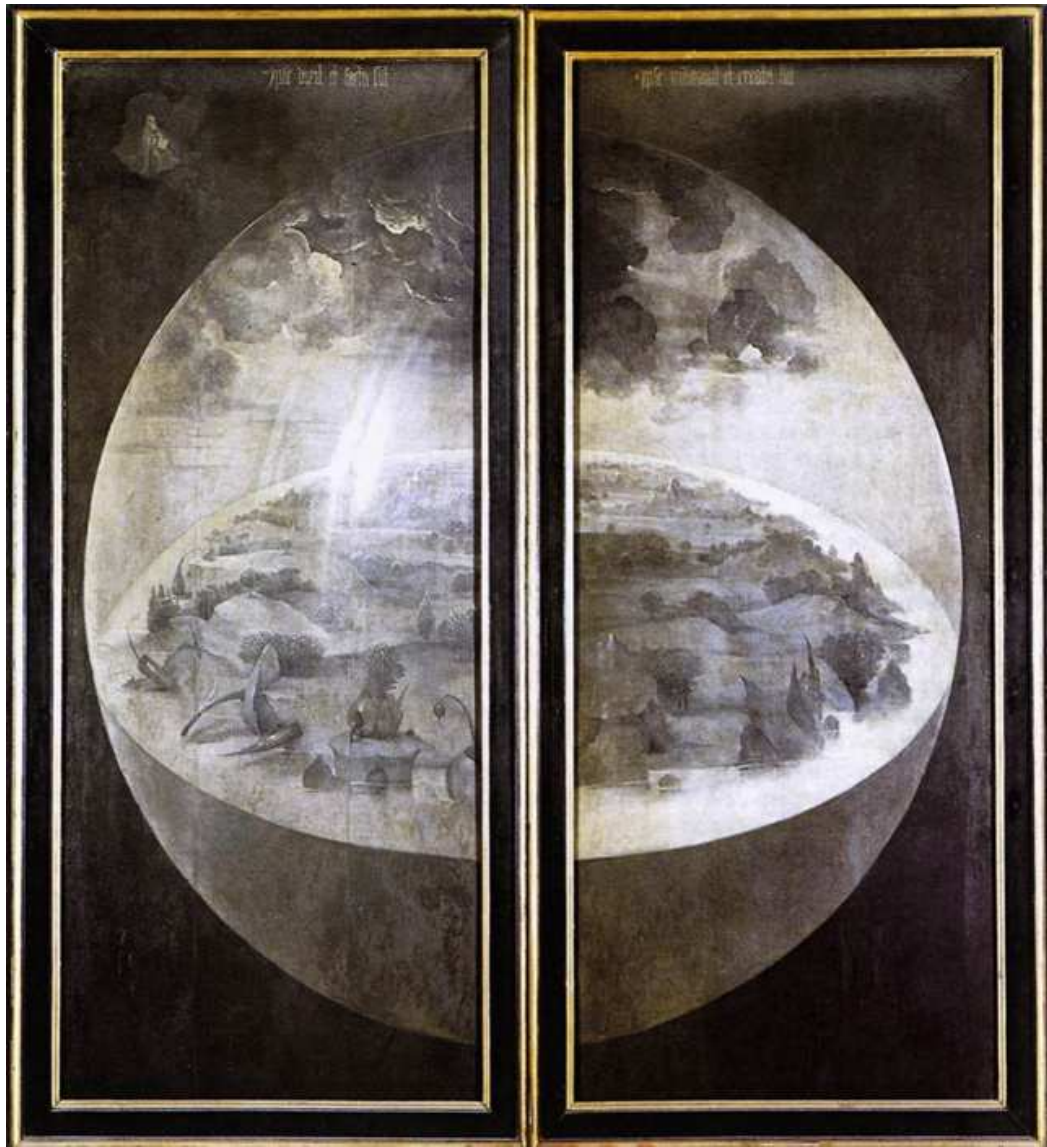

Рис. 5. Картина мира по Босху.

Эта работа Иеронима Босха имеет прямое отношение к миру картин Брейгеля. Перед нами, собственно, контекст мира Брейгеля, его *надсистема*. Хотя Босх посмеивается над этой канонической средневековой картиной мира, выкладывая на Землю свои игривые приколы, он не выходит за ее пределы.

И мы при желании можем увидеть включенность мира Брейгеля (как системы) в эту ментальную надсистему Босха. Такое прямое совмещение дало совершенно неожиданный результат.

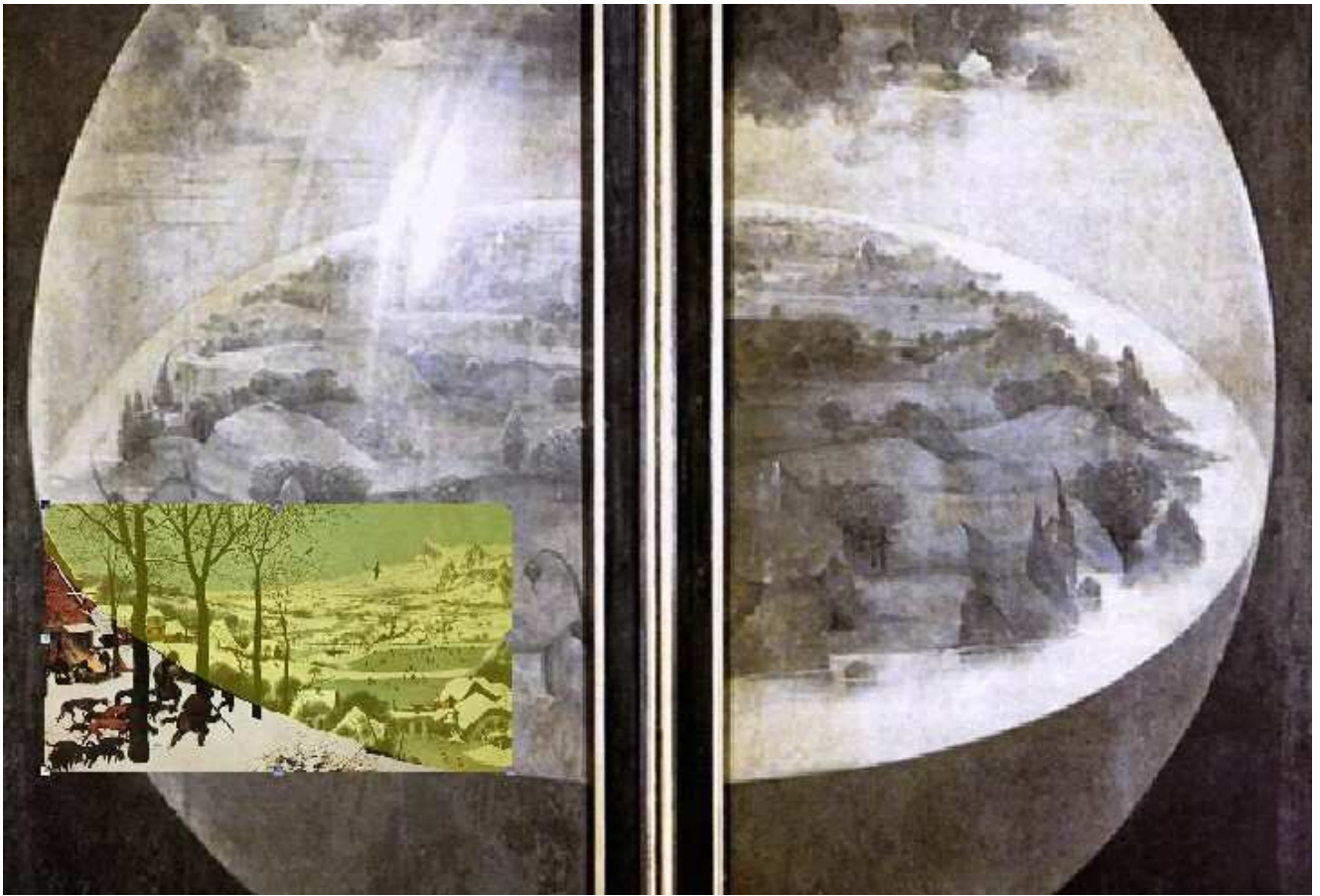

Рис. 6. Вписанность мира П. Брейгеля в мир И. Босха.

Как мы и говорили, за этим средневековым миром в сфере наблюдает его Создатель.

Рис. 7. Бог, наблюдающий за своим творением.

В картине Брейгеля хорошо виден надсистемный формообразующий большой овал. Как бы смысловой след от картины Босха, общей для них картины мира.

И обратите внимание, как точно прочерчивает этот надсистемный овал разделение *внешнего и внутреннего миров*, системную границу. Охотники идут из внешнего и чужого мира, где охотились на дичь (*дикие животные*), в этот внутренний, *домашний*, общинный мир с его *домашними* животными. И на пороге харчевни жгут солому – значит, закололи *домашнюю* свинью. А охотники-то идут с пустыми сумками, так, по мелочи чего-то висит у одного.

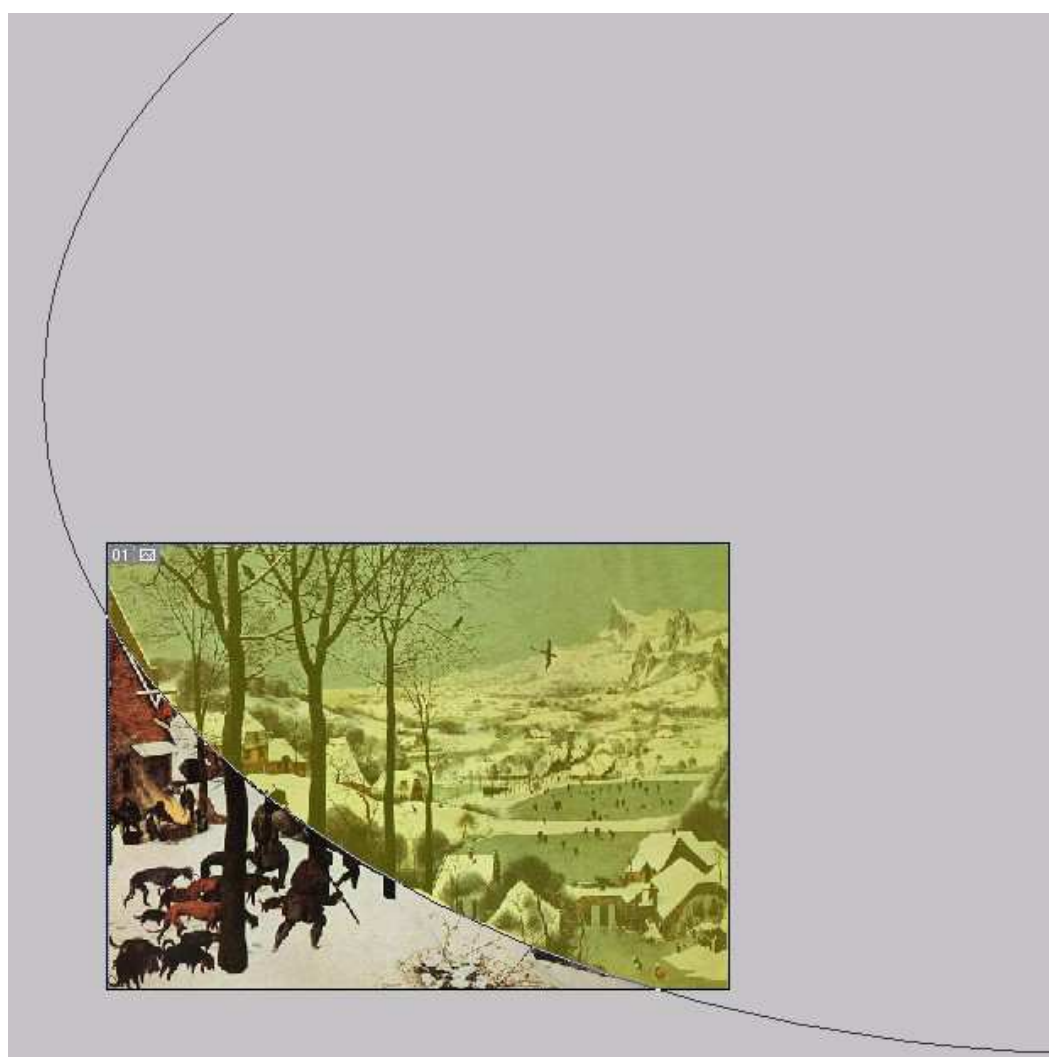

Рис. 8. Надсистемный большой овал.

Да и в системном мире картины присутствует свой набор *трех масштабов* – от природно-геологического (панорама долины в обрамлении гор) *макромира* до нормального человеческого *мезомира* (открытая дверь в

харчевне, рядом с которым жгут костер, люди на катке, повозки на дороге, охотники на снегу – целый нарратив со сценарием, куда более удачный по нынешним меркам, чем остальные картины серии) и *микромасштаба* (сидящие и летящие птицы, поведение группы собак вблизи от жилья).

Так что за системный масштаб доминирует в картине? Это – средневековый *масштаб корпоративной ячейки*, общины, а люди здесь лишь части организованного целого. Духовно это целое удерживает церковь в глубине пейзажа – его символическая доминанта, а как некую организацию – замок на заднем плане. Все это масштаб небольшого, но сплоченного человеческого коллектива, объединенного теологическим менталитетом и защищенного неким сеньором с его войском. Рядом еще такие же поселения, что наводит на мысль о множественности, не уникальности происходящего. Таков «порядок вещей» этого мира.